

КАКОЕ МЕСТО ЗАНИМАЛИ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФОРМА ХАНСТВА И ТИТУЛ ХАНА В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ «РЕПЕРТУАРЕ» ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ XIX-XXвв.?

Гзавье Аллез¹,

¹ старший научный сотрудник, Французский Институт Исследований Центральной Азии (IFEAC), Франция, Париж, hallez@gmail.com

Аннотация. Политическая форма институт власти в Центральной Азии имеет свою отличительную характеристику: форма ханства или титул хана, созданные тюрками. Чингисхан, приняв этот институт власти, основал Монгольскую империю. Институт ханства, существовавший в Центральной Азии в X в., конкурировал с другими формами политической власти: персидским титулом шаха, арабским титулом эмира, султана, бей и бейлик. Показана динамика изменений государственной формы ханства, обусловленная геополитическими изменениями во второй половине XVIII века. А XIX век усилил эту динамику из-за царской колонизации и ослабления государств Центральной Азии. Ханство и титул хана продолжали представлять политическую явность, но их основание менялось. Постепенно ханство перестало появляться как политическая форма, способная соответствовать новому геополитическому контексту и изменениям в центральноазиатских обществах. Сегодня концепты «ханство» и «титул ханства» не представляет собой реальной политической альтернативы.

Ключевые слова: Монгольская империя, Центральная Азия, ханство, титул хана.

Моя статья касается одного из важнейших элементов «репертуара» или каталога институтов власти Центральной Азии: политической формы ханства или титула хана, которые были введены тюрками. Данное обстоятельство актуализирует проблему регенерации исторической памяти и настоящей статьи на основе метода отслеживания объекта исследования - института ханства и его анализа.

Чингисхан принял этот институт власти, на котором он основал монгольскую империю. Этот процесс был описан в книге Джейн Бербанк и Фредерика Купера «Империи в мировой истории: власть и политика разнообразия» [1], я не буду на ней останавливаться.

Чингисхан принял этот институт власти, на котором он основал монгольскую империю. Этот процесс был описан в книге Джейн Бербанк и Фредерика Купера «Империи в мировой истории: власть и политика разнообразия» [1], я не буду на ней останавливаться. Ханство стало легитимной политической системой в Центральной Азии, несмотря на политический распад и конфликты между различными линиями чингизидов за контроль над регионом. Легитимность чингизидов, т.е. только чингизид мог стать ханом, введенная Чингисханом, сформировала политическую жизнь Центральной Азии и сыграла определенную роль в долговечности политической модели ханства. Институт ханства существовал в Центральной Азии до монгольского нашествия (Караханидское ханство, 942-1212 и

Каракитайское ханство, 1124-1218), но он конкурировал с другими формами: персидским титулом шаха (государство Хорезмшахов, 1077-1231 годах), арабским титулом эмира (Саманидское государство, 875-999 и Газневидское государство, 977-1186) или султана (Газневидское государство), и другим тюрким политическим институтом, бей и бейлик (Сельджукское Государство, 1037-1194).

Среди населения Центральной Азии, чьи современные этнонимы существовали уже в XVI веке, только у казахов линии чингизидов являлись составной частью народа, а именно группа төре. Появление казахского народа связано с союзом между линиями чингизидов, имеющего легитимное право стать политическими правителями, и родами, которые идентифицируют себя как в объединяющем элементе, представленном төре, так и в генеалогическом единстве. Эта политическая конструкция была выражена Тынышпаевым в начале XX века в его комментарии к предложению: «Алаш алаш болғанда, Алаша-хан болғанда»: «Время, когда алаш стал действительно алашем, а Алаша – ханом, то есть казахи объединились в одну мощную государственную организацию, и первым объединившим ханом был Алаша» [2]. Остальные ханства Центральной Азии определялись регионально: Бухарское, Хорезмское, Кокандское. Туркмены, каракалпаки и кыргызы находились в более или менее сильной зависимости от этих ханств. Генеалогическое единство было центральной политической основой для них.

Система чингизидов начала подвергаться сомнению с созданием Кокандского ханства в XVIII веке, которое установило узбекскую династию во главе государства и, таким образом, порвало с легитимностью чингизидов, сохранив политическую форму и титул хана. Легитимность этой династии складывалась из различных элементов, особенно религиозных и тимуридских. Бухарское ханство было преобразовано в эмират в самом конце XVIII века, что позволило узаконить захват власти узбекской династией и ее отход от простых марионеточных ханов из чингизидов.

Эти изменения произошли тогда, когда Центральная Азия претерпевала глубокие геополитические изменения. Во второй половине XVIII века пришел конец великим переселениям и утверждению русской и китайской имперской власти, с устранением джунгаров и отчасти Персии. Эти потрясения вызвали новый вопрос о политическом единстве и положили начало размышлениям о ранней национальной форме. Стихи Махтумкули (1724-1807) о туркменском единстве – один из примеров.

XIX век усилил эту динамику из-за царской колонизации и ослабления государств Центральной Азии. Ханство и титул хана продолжали представлять политическую явность и несомненность в Центральной Азии, но их основание постепенно менялось. Период 1840-1850-х годов занимает центральное место в этом процессе.

Война под руководством Кенесары Касымова была частью этого конфликта по поводу природы казахской политики: Губайдулла хан, Касым Аблайханов, затем Кенесары хотели сохранить политическую форму ханства и титул хана, который они все еще считали актуальным. Именно для того,

чтобы утвердить свою власть в дипломатических отношениях и благодаря сплочению многих казахских родов, Кенесары был избран ханом в 1841 году. Эти выборы состоялись спустя почти 20 лет после принудительного изгнания Губайдуллы хана: ни Касым, ни брат Кенесары Саржан не стали добиваться этого титула.

Поднятие на белой кошме Кенесары соответствовало принципу чингизидов. Однако титул хана уже был отменен царской властью. Кенесары считал что свой народ находился под угрозой и пытался защитить его существование, сохраняя казахские институты и территориальную «автономию». Кыргызы и туркмены, оказавшись в похожей ситуации, не имели внутри себя чингизидов. Тем не менее, они мобилизовали этот институт власти: хан стал формой сверх лидера, объединяющего народ.

В 1842 году Ормон (1791-1854) был первым, кого подняли на белой кошме, и кто объединил северные кыргызские племена против русских и Кокандского ханства. У него не было преемника: случай с кыргызом Исхаком Асановым (1844-1876) весьма свидетельствует о двусмысленности, связанной с этим титулом. Он выдал себя за внука Кокандского хана – Полот-хана – чтобы возглавить восстание против правящего хана в 1873 году. Только потомок хана мог иметь легитимное право возглавить восстание или политически объединить роды.

Туркмены также избрали своих первых ханов в 1850-х годах, когда они воевали против персов, Хорезмского ханства, а затем и Российской империи. Говшут-хан был избран ханом рода Теке в 1855 году, затем после его смерти в 1858 году, за ним последовали Нурберды-хан и его сын Махтумкули-хан в 1880 году.

Во всех трех случаях – казахском, кыргызском и туркменском – титул хана был мобилизован как единственная доступная модель, но попытки переформулировать политическое существование потерпели неудачу из-за военных поражений.

Постепенно ханство перестало появляться как политическая форма, способная соответствовать новому геополитическому контексту и изменениям в центральноазиатских обществах. Парадоксально фигура хана продолжала оставаться важной моделью: единственной легитимностью государственности, основанной на прошлой истории. Во время колонизации и в начале советского режима хан как образ независимого прошлого и политического существования оставался единственной легитимной фигурой, чтобы возглавить восстание. С другой стороны, этот титул уже не был связан с реальным политическим проектом и возрождением ханства. Выборы ханов больше не были актом объединения, а касались только родов, выбирающих своего представителя. Этот аспект рассматривается в статье, опубликованной мной и Изабель Оайон в 2019 году [3].

Со второй половины девятнадцатого века и даже в начале двадцатого века элиты Центральной Азии стремились создать новую легитимность, чтобы восстановить политическую государственность для своего народа. Она основывалась на современных течениях глобальной истории того времени, а

именно на создании наций. Образ ханства и хана потерял свой престиж, потому что эта модель не соответствовала современности: она стала инвективой или признаком отсталости, неприятия современности как для русских, так и для значительной части элиты Центральной Азии, особенно казахской. В их конфликте в начале 1910-х годов Алихан Букейханов пренебрежительно обвинил Бахытжана Каратаева в желании быть избранным ханом. Со своей стороны, царская власть продолжала систематически называть лидеров восстания ханами с целью их политической дискредитации. Однако этот титул не был настолько распространен среди населения, как о нем часто писали. Многие лидеры отказывались от него: в частности, Каната Ыбыке уулу (1860-1916) среди кыргызов и Абдугапар Джанбосынов, который предпочел титул эмира.

Среди казахов отметим еще один парадокс, связанный с фигурой Аблай-хана, которого всегда превозносили те же самые элиты, но которые не задумывались о восстановлении ханства. В данном случае акцент ставился на память о политическом единстве и слиянии рода и линии чингизидов. Это объединение все еще сохраняло видимую реальность в политической жизни Казахстана: до 1918 года төре продолжали иметь политическое преимущество. Они составляли подавляющее большинство среди депутатов, избранных в Государственную Думу в 1906 и 1907 гг., и двое из трех кандидатов на посту председателя Алашорды в 1917 были также төре.

В советский период ханство ассоциировалось с феодализмом, и даже если после 1991 года история Центральной Азии была пересмотрена во всех республиках, включая Казахстан, в основном ханство не представляло политической модели, отвечающей вызовам современного мира. Никакая политическая легитимность, опирающаяся над династиями чингизидов в Казахстане или над потомками тех, кто были избраны ханом в Кыргызстане или Туркменистане, не была мобилизована в отличие, например, от Франции, где монархическое движение, даже в небольшом количестве, продолжает до сих пор существовать. В Центральной Азии существует разрыв преемственности между ханствами и обретением независимости 1991 года.

Политическое воображение, связанное с ханством, по сути своей является частью коллективной памяти, что можно было наблюдать во время празднования 550-летия Казахского ханства. Оно не представляет собой реальной политической альтернативы: единственные ссылки относятся к полностью переработанной версии того, что называется степной демократией или курултаем, особенно в Кыргызстане. В XIX веке этот принцип также частично служил оправданием для введения выборов в казахских степях царской властью.

Фигура хана в очень редких случаях может быть положительно связана с одним из лидеров Центральной Азии, но в большинстве случаев она служит для осуждения предполагаемого злоупотребления властью: в Кыргызстане было изобретено новое слово «ханституция» чтобы дискредитировать конституционный референдум 2021 г.

Титул хана также претерпевал трансформацию в индо-иранском мире: он был эквивалентом вождя рода или губернатора провинции, затем он был подкреплён именами, чтобы обозначить знак уважения, прежде чем просто стать элементом имени семьи.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Burbank J., Cooper F. Empires // In: World History: Power and the Politics of Difference. - Princeton: Princeton University Press, 2010.
- [2] Тынышпаев М. История казахского народа. - Алматы : Санат, 1998. – С. 145.
- [3] Hallez X., Ohayon I. Making political rebellion “primitive: 1916 rebellion in the Kazakh steppe in long-term perspective (ca. 1840-1930) // In: Chokobaeva A., Drieu C., Morrison Al. The Central Asian Revolt of 1916. A collapsing Empire in the age of War and Revolution. - Manchester: Manchester University Press, 2019. – P.256-288.

REFERENCES

- [1] Burbank J., Cooper F. Empires. In: World History: Power and the Politics of Difference. - Princeton: Princeton University Press, 2010.
- [2] Tynyshpaev M. Istoria Kazakhskogo naroda (History of the Kazakh people). - Almaty: Sanat, 1998. - P. 145.
- [3] Hallez X., Ohayon I. Making political rebellion “primitive: 1916 rebellion in the Kazakh steppe in long-term perspective (ca. 1840-1930). In: Chokobaeva A., Drieu C., Morrison Al. The Central Asian Revolt of 1916. A collapsing Empire in the age of War and Revolution. - Manchester: Manchester University Press, 2019. – P.256-288.

XIX-XX ҒҒ. ОРТАЛЫҚ АЗИЯДА САЯСАТ ҚҰРАЛДАРЫНЫҢ "РЕПЕРТУАРЫНДА" ХАНДЫҚТЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК ФОРМАСЫ МЕН ХАН ТИТУЛЫ ҚАНДАЙ ОРЫН АЛДЫ?

Гзавье Аллез¹,

¹ Француз Орталық Азияны зерттеу институты / IFEAC,
аға ғылыми қызметкері
Франция, Париж, hallez@gmail.com

Аңдатпа. Бұл мақалада "репертуардың" маңызды элементтерінің бірі немесе Орталық Азия билік институттарының каталогы сипатталған: хандықтың саяси формасы немесе түріктер енгізген хан атағы. Шыңғысхан Моңғол империясын құрған осы билік институтын қабылдады. Мақалада хан бейнесі сипатталған, өте сирек жағдайларда оны Орталық Азия көшбасшыларының бірімен оң байланыстыруға болады, бірақ көп жағдайда ол билікті теріс пайдалануды айыптауға қызмет етеді: Қырғызстанда 2021 жылғы конституциялық референдумның беделін түсіру үшін "хандықтың" жаңа сөзі пайда болды. Хан атағы үнді-иран әлемінде де өзгеріске ұшырады: ол клан жетекшісінің немесе провинция губернаторының баламасы болды, содан кейін ол тек фамилияның элементі болғанға дейін Құрмет белгісі ретінде есімдермен нығайтылды.

Тірек сөздер: Моңғол империясы, Орталық Азия, хандықтың саяси формасы.

WHAT PLACE DID THE STATE UNIFORM OCCUPY KHANATES AND THE TITLE OF KHAN IN CENTRAL ASIAN "REPERTOIRE" OF POLITICAL INSTRUMENTS OF THE XIX-XX CENTURIES?

Hallez Xavier¹,

¹Senior Researcher, l'Institut français d'études sur l'Asie central / IFEAC,
(French Institute for Central Asian Studies) (France, Paris) hallez@gmail.com

Annotation. The political form of the institution of power in Central Asia has its own distinctive characteristic: the form of the khanate or the title of khan, created by the Turks. Genghis Khan, having accepted this institution of power, founded the Mongol Empire. The institution of the khanate, which existed in Central Asia in the X century, competed with other forms of political power: the Persian title of shah, the Arabic title of emir, sultan, bey and beylik. The dynamics of changes in the state form of the khanate, caused by geopolitical changes in the second half of the XVIII century, is shown. And the 19th century reinforced this dynamic due to tsarist colonization and the weakening of the Central Asian states. The khanate and the title of khan continued to present political prominence, but their foundation changed. Gradually, the khanate ceased to appear as a political form that could correspond to the new geopolitical context and changes in Central Asian societies. Today, the concepts of "khanate" and "title of khanate" do not represent a real political alternative.

Key words: Mongol Empire, Central Asia, khanate, title of Khan.

Статья поступила 20.05.2021